

На мой запрос "Горький Капри" Интернет выдал строчку из песни Александра Городницкого: "Не возвращайся, Горький, с Капри" и далее в развитие темы: "Не упусти свою удачу,/ Попав однажды за рубеж,/ Не приглашай вождя на дачу,/ Пирожные его не ешь". Улыбнулась: перепутал — сознательно или нет — бард эпохи и лица. На Капри Горький был при царе, а "при вожде" жил в Италии уже в Сорренто — совсем близко, всего пять километров через пролив, но на материке. Однако дальше Всемирная паутина выудила стихотворение Владимира Маяковского. "Очень жаль мне, товарищ Горький,/ что не видно/ Вас/ на стройке наших дней./ Думаете —/ с Капри,/ с горки/ Вам видней?" — обращался поэт к писателю в 1926 году. Поняла, что простой случайностью это быть не может. Капри — просто знаковый остров.

Для большинства наших соотечественников, не особо искушенных в прелестях отдыха на тихом острове в Тирренском море, Капри всегда существовал больше в историческом, чем в географическом пространстве. Многие припомнят, что там была партийная школа, придерживающаяся вредной, с точки зрения большевиков, ориентации. Это подмочило репутацию острова. Но у Горького дважды гостил Ленин. И это обстоятельство реабилитирует Капри.

Я и сама приговаривала: "Поедем посмотрим, где это они наше счастливое будущее обдумывали". Слово без славного революционного прошлого Капри не стоило того, чтобы тратить на него целый день из всего лишь недельного пребывания в Риме.

Ровно в восемь сажусь на римском вокзале в поезд до Неаполя. Купе на шесть человек с застекленными дверями, кожаные кресла с высокой спинкой. За окном проплывают римские окраины, и вот уже потянулись поля Кампании, потом начался подъем в горы — даже немного заложило уши. Поезд то и дело нырял в тоннели — и наконец вдалеке видны стеклянные небоскребы Неаполя. Это его деловой центр. Но нам не туда, а в порт — самую старую часть города.

День субботний. На улицах торгуют где попало и чем попало, как во всяком портовом городе. Когда спешишь — а надо успеть вечером вернуться в Рим — это раздражает. Сам порт оказался рядом. Но грузовой. И по нему между фурами и ангарами еще долго пришлось пробираться до пассажирских причалов. Покупаю билет на метеор за 12 евро, поднимаюсь по трапу, и наконец-то можно перевести дух и оглядеться. Кто-то с чемоданом: только тут приходит в голову, что на Капри можно ехать не на экскурсию, а просто отдыхать. Кто-то там уже отдыхает и возвращается к обеду "из города". Капри начинает приобретать реальные очертания. Жаль с годовщиной Октября (а поездка пришлось на 7 ноября) поздравить некого.

Путешествие на современном судне комфортно, но лишено романтики. И не напишешь, как один русский путешественник в середине XIX века: "Латинский парус трепещет, как крыло подстреленной чайки, ленивый ветерок возлагает всю работу на бронзово-мускулистых четырех соррентийцев... за веслом эти гребцы деятельны, как черти, поют отрывки из своих неаполитанских баркарол или шутят между собой с

врожденным комизмом". Наши "гребцы" песен не поют, да и ветерок не ленивый. Сечет мелкий дождик. Но вот уже совсем близко "скалы, встающие из вод", и мы швартуемся в Марина Гранде.

Восторг, который испытываешь при виде приближающегося острова, сменяется растерянностью: в реальности он почему-то оказался намного больше, чем существовал в моем революционно ориентированном сознании. Автомобилей, которые бойко шныряют по набережной, вообще не должно было быть. Но надо срочно вращать в настоящее.

Купив путеводитель (на русском языке — спасибо итальянцам!), удивилась. На острове, протяженность береговой линии которого всего-то 17 километров, уместились два города — Капри и Анакапри — с безумным количеством улочек и, что самое неприятное, переплетающихся из-за сложного рельефа в совершенно немыслимых формах. Погрустнела: горьковские пристанища, не зная точных адресов, ни за что не найти (а итальянцы даже в русском издании указать их не удосужились, хотя и написали, что вилл было три).

По карте заметно, что остров будто перетянут поперек веревкой. От этого оба его конца "надулись". Считается, что своей конфигурацией он напоминает вепря — капроса, с чем некоторые и связывают его название. Эта перетяжка — ближе к задним ногам животного — больше всего подходит для короткой прогулки, решаю я: нет места 'уже между берегами, и подниматься придется не так высоко.

Поворачиваю в первую попавшуюся на глаза улицу-лестницу. Вернуться можно по ней же — не заблудишься, наивно, как оказалось потом, рассуждала я. Ступени круто идут вверх, а по бокам то окна и двери виллы, то высокая каменная стена — и там, над ней растут деревья рядом с домом, который сверху. Интересно, что Горький (я буду часто обращаться к его свидетельствам) именно на примере Капри объяснял одному юному поэту, что такое висячие сады Семирамиды, подтрунивая над его излишней романтикой: "В том, что эти сады висячие, нет ничего удивительного. Просто они были расположены уступами по крутому склону горы..."

Но даже зная этот секрет, не перестаешь восторгаться. Вот так, охая по поводу цветущей (в ноябре!) герани и еще многих не известных мне фиолетовых, красных, бордовых, оранжевых цветов, разглядывая разные горшочки, решетоки, балкончики, я и не заметила, как добралась до верха и через арку попала на главную площадь города Капри — пьядца Умберто Примо. Окруженная со всех сторон сомкнувшимися стенами невысоких зданий, она больше похожа на зал, чем городскую площадь. Половина ее занята ресторанными столиками. Получается этакая столовая в престижном санатории. Но задерживаться некогда: я уже предвкушаю, какой вид откроется, стоит лишь завернуть за высокую (для Капри, конечно) башню с часами.

Смотровая площадка нависает над ложбиной (той, по которой и прошла "веревка"). Слева поднимается зеленый холм монте Солара — самой высокой горы на острове. Впереди — море. Увы, туман и дождь приглушают краски и не дают насладиться цветом

воды, который должен быть здесь, по рассказам, необыкновенно синим. Но зато под серым небом еще отчетливее и внушительнее вырисовываются скалистые береговые обрывы.

Римские императоры полюбили Капри за его неприступность: сначала Август, потом Тиберий. Если внимательно читали "Мастера и Маргариту", может, припомните, как говорил Понтий Пилат, что "полетит весть не наместнику в Антиохию и не в Рим, а прямо на Каприю, самому императору". Не погрешил Булгаков против исторической правды. Действительно Тиберий провел здесь в общей сложности 10 лет до своей смерти в 37 году. И мог поддерживать связь с материком: этому служили специальные башни, с которых дымом и пламенем подавались условные сигналы. Вот только читателю надо быть эрудитом, чтобы опознать за Каприей (так звали остров римляне) географический Капри.

Здесь строили роскошные виллы — с террасами, бассейнами, украшенные мозаикой и мрамором, о масштабах которых можно судить по развалинам. О том, как проводили императоры время, документальных свидетельств не сохранилось, а у историков единодушия нет. Ювенал и Плутарх пишут о тихой уединенной старости Тиберия, а Светоний, например, рассказывает, что он завел на Капри "гнезда потаенного разврата" и "мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми забавлялся в постели".

Слухов ходит много. В том же самом грехе, что и Тиберия, обвиняют пушечного короля Альфреда Крупа, который из-за астмы вынужден был поселиться на Капри. А о шведской королеве Виктории, прибывшей сюда из-за слабых легких, говорили, что у нее роман с придворным врачом Акселем Мунте...

Но есть загадка посложнее всех этих пикантных подробностей: почему Горьким в 1906—1913 годах "было выбрано Капри, в то время почти безвестное Капри, где главным образом бывали немцы?" В дневниках Веры Муромцевой, жены (тогда еще гражданской) Ивана Бунина, откуда взята эта запись, датированная 1919 годом, ей предшествуют разговоры об известном разоблачителе провокаторов Бурцеве и о том, что многие подумали о Горьком, когда Бурцев пообещал открыть "имя того, кто был на службе у немцев". А далее читаем размышления Яна (так она называла Бунина): "Как чахоточный, после семилетнего пребывания на Капри, выдержал сразу берлинскую, а потом и финскую зиму и зиму в Тверской губернии? Да, многое непонятно и будет ли когда-либо понято?"

Я не случайно задала этот вопрос устами Буниных. Наверное, в то время при виде рушившейся России в переходившей из рук в руки Одессе слух о Горьком на службе у немцев принимался ближе к сердцу, чем это может быть сегодня. Да и вероятность документально подтвердить или опровергнуть его была выше.

Как бы то ни было, на самом острове хочется меньше всего размышлять о том, что же действительно заставило Горького, вынужденного не возвращаться в Россию из-за угрозы ареста, сделать выбор в пользу Капри. Там при виде моря и гор просто верится,

что климат очень подошел страдавшему чахоткой писателю. А задержался он потому, что ему очень понравился Капри. Уже через несколько дней после приезда он живописует Леониду Андрееву: "Капри — кусок крошечный, но вкусный. Вообще здесь сразу, в один день, столько видишь красивого, что пьянеешь, балдеешь и ничего не можешь делать..."

Горький и потом продолжал звать туда всех добрых знакомых. "Почему-то я все думаю, что Вы, Москвин, Леонидов, Румянцевы весною приедете сюда, — пишет В.И.Качалову в 1913 году, — будем купаться в голубом море, ловить акул, пить белое и красное Capri и вообще жить... Превосходно отдохнете..."

Насчет акул Горький не шутил: их на Капри действительно ловили и ели. Технология была такая: ловили на живца, подтягивали к борту, оглушали веслом и втаскивали на борт. Конечно, вся эта сложная процедура проводилась с помощью местных рыбаков. Выходить в море без них не решались — опасно. Как-то удалось поймать акулу, вдоль которой смогли встать 25 человек. Художник Исаак Бродский вспоминает, что в итальянских газетах даже было фото.

Блиские знакомые проводили у Горького практически все время. Анекдот или нет, но рассказывают, что однажды на открытой веранде было столь многолюдно, что проходивший мимо англичанин принял дом Горького за ресторан. Вошел. Сел за стол и потребовал стакан холодной содовой, яичницу с ветчиной, сыру. Его — ради смеха — обслужили. И лишь когда он собрался расплатиться, ему сказали, что вилла — не ресторан и обедов здесь не продают. Говорят, смущение его было очень велико, он долго тряс Горькому руку, когда узнал, кто стоит перед ним, а на следующий день прислал цветы с миллионом извинений.

Что-то слишком "отпускным" получается у меня Горький на Капри. Спешу исправиться. "...живу я, как всегда, да и не живу, а или сижу за столом, или стою у конторки. Когда-нибудь до того устану, что упаду на пол и пролежу месяца два неподвижно", — это Горький о своем житье-бытье.

Он много писал. Его каприйский период сравнивают с пушкинской болдинской осенью. Он каждый день пролистывал десятки газет, которые на Капри, если позволяла погода, доставлял пароходик из Сорренто. Прочитывал горы рукописей и обстоятельно объяснял авторам просчеты. Составлял планы новых журналов. Жарко спорил о философских материях, увлеченно "строил" бога. А еще вел занятия по литературе в школе для передовых рабочих.

В связи со школой, у истоков которой стояли помимо Горького А.В.Луначарский, А.А.Богданов, сегодня говорят, что именно на Капри определялись пути развития русской социал-демократии. Примирись Ленин с "каприйской ересью" — фантастика, конечно — кто знает, куда бы пошел русский социализм. Некоторые даже считают, что там же, на Капри, он с закрытием школы вообще скончался. Ну а последним русским социалистом они объявляют Александра Богданова, который — так сложилась история для многих изучавших ее еще по советским учебникам — остался лишь "примечанием" в

собрании сочинений Ленина.

Значит, при любой политической конъюнктуре упоминание в истории Капри обеспечено. Только вот надо, чтобы был он там на своем законном месте, хотя бы в горьковской биографии. Тот же Интернет снабдил меня удивительной информацией о том, что Мура (то есть баронесса Будберг, с которой Горький познакомился лишь в 1919 году) часто выступала на каприйской вилле в роли хозяйки, и совсем уже взрослый сын Максим (родился в 1897 году) гонял по Капри на мотоцикле. А уж о том, что Сталину очень хотелось выманить Горького именно с Капри, оговорок не счесть.

За те четыре с лишним тысячи дней, что писатель провел там, он исходил остров вдоль и поперек: любил гулять с гостями после обеда или под звездным небом. И уж по той "поперечине", что выбрала я для своего марш-броска, наверняка шагал часто. Особенно в Марина Пиккола — рыбачить. Туда держала свой путь и я.

От Пьяцетты начинается главный местный променад с престижными отелями и дорогими магазинами. Говорят, летом здесь народ идет плечом к плечу. Но мне повезло: в ноябре на Капри уже не сезон. Да и тех романтиков, что выбирают его для тихого осеннего отдыха, разогнал по домам дождь. Я же упорно шла к цели, жадно ловя приметы каприйского быта, не стесняясь заглядывать за ограды. Впрочем, ничего кроме ухоженных газонов, цветников, бассейнов, пальм там не наблюдалось.

В России ходили слухи, что у Горького на Капри своя вилла. Он их опровергал: "У меня виллы нет, да едва и будет". Так что о пролетарском писателе — и вообще о русских социалистах — на Капри теперь ничего не напоминает. Разве что мемориальные доски на домах, где Горький жил. А еще бюст Ленина в общественных садах, носящих имя императора Августа, как раз поблизости от Марина Пиккола. Между прочим, основаны они германским империалистом Круппом. Неплохое смешение эпох, согласитесь.

У последнего и по сей день на острове куда более весомое присутствие. Зигзагообразная дорога, которую он когда-то проложил от своей виллы к морю, и сегодня на картах обозначена виа Крупп.

Сравнимый по площади с Москвой в пределах бульварного кольца остров вполне может потягаться со столицами по числу побывавших там знаменитостей. Только во времена Горького здесь гостили Шаляпин, Бунин, Леонид Андреев, Станиславский (с большой частью труппы МХТ), Саша Черный, Репин... Можно долго продолжать. Из иностранных деятелей культуры на острове бывали Оскар Уйальд, Анри Жид, Райнер-Мария Рильке, Пабло Неруда, Грэм Грин, Александр Дюма, Альберто Моравио, Сомерсет Моэм — тоже всех не перечислишь. Восторженных свидетельств они оставили о Капри столько, что хоть отдельной книгой издавай. Но по фанатичной любви и преданности острову вряд ли кто сравнится со шведским врачом Акселем Мунте. Он построил здесь виллу Сан-Микеле в стиле римских императорских, посетить которую считают своим долгом все пребывающие на Капри.

Мысль навсегда поселиться на острове завладела им еще в юности, когда он в 1876 году

попал сюда по причине совсем не оригинальной — из-за слабого здоровья. Причем не просто поселиться, а самому построить дом. Позже, начав копать с помощниками, на глубине примерно двух метров они "нашли твердые, как гранит, римские стены: на красном помпейском фоне танцевали нимфы и вакханки". Как пишет Мунте, эти остатки одной из вилл Тиберия и послужили фундаментом его белоснежного дома.

Конечно, если верить тому, что рассказал он в своей "Легенде о Сан-Микеле" (книга, написанная на английском, вышла в 1929 году). Некоторые, однако, считают шведского врача сказочником и говорят, что многое из того, что и по сей день украшает залы виллы, было куплено им у антикваров, а не найдено тут же.

В начале 60-х (к этому времени книгу перевели на десятки языков) очарованная ею Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс сделала русский перевод и отдала его в Госиздат, где он благополучно пролежал почти десять лет. Однажды на вопрос, в чем же задержка, ответом ей было: "Лицо автора книги о Сан-Микеле нам неясно! Кто он такой? Родился в Швеции, учился в Париже, жил на Капри и издал свой роман в Лондоне! Это какой-то космополит!"

Все свое имущество на острове "космополит" Мунте завещал шведскому государству. Занимающий виллу Фонд Сан-Микеле специализируется в области классической культуры.

Мунте, кстати, был еще, как мы сказали бы сегодня, убежденным экологом: боролся с ловцами птиц на территории замка Барбаросса. Боролся своеобразно: просто купил эту землю. Сегодня в замке, построенном когда-то для защиты от набегов сарацин и получившем имя разрушившего остров почти полностью известного пирата, размещен орнитологический центр.

Служит делу просвещения, на сей раз молодых архитекторов, и другой знаменитый каприйский дом — итальянского писателя Курцио Малапарте (отдавший дань увлечения и фашизмом, и коммунизмом, и даже маоизмом современному читателю автор больше всего известен по книге "Техника государственного переворота"). Аскетичному, напоминающему бункер красному зданию с плоской желтой крышей, он давал определения, меньше всего сочетающиеся с атмосферой острова: "грустный, тяжелый и суровый". Но это не мешает некоторым считать дом Малапарте, стоящий на высоком мысу в окружении сосен, самым интересным из всего, что есть в авангардной архитектуре.

Малапарте строил его не сам: проект принадлежит архитектору Адальберто Либере, который работал во славу Муссолини над Дворцом Съездов в римском районе ЭУР. Говорят, правда, что именно писатель придумал сделать стену за камином прозрачной, чтобы огонь горел на фоне скал фаральони. Этот вид — три возвышающихся над морской поверхностью недалеко от берега камня, над формой которых долго работали вода и ветер — считается одним из самых впечатляющих на Капри.

Мне оставалось ходу минут пятнадцать до площадки, с которой можно любоваться этим

природным чудом, но взгляд на часы заставил повернуть назад. До последнего метеора меньше часа: как раз не спеша вернуться в порт.

Без труда вышла на Пьяцетту и, нырнув с площади в арку, поняла, что иду не туда. Лестницы не было. Вернулась на площадь, нырнула в другую арку: тоже никакой лестницы.

Все аборигены, к которым я обращалась за помощью, пожимали плечами и произносили: "Bus". Где остановка автобуса, я и без них знала. Только мне хотелось еще раз пробежать через "висячие сады" и наглядеться впрок на цветы, балкончики, решеточки... Но то была настоящая мафия — пришлось сдаться.

Заплатив 1,30 евро, минуты за три я была доставлена по узкому серпантину прямо в порт. Нет, к организации автобусного движения у меня никаких претензий нет. Человек в кассе продает билеты, другой эти билеты проверяет, сам водитель уже за рулем, дожидается, когда все места будут заняты. Такой плотности обслуживающего персонала на одного туриста может позавидовать иной 5-звездный отель.

А в порту сам собой отпал вопрос, который, признаюсь, мучил меня: как всем прибывшим за день удастся уплыть вечером на материк. Ведь мало кто откажется задержаться подольше. Вместо утреннего метеора нас ждал настоящий метеорище, в котором разместились несколько сотен пассажиров. Время в пути получилось то же, что и утром, — сорок минут.

В поезде я снова и снова прокручивала в памяти каприйские картинки. На одну горьковскую виллу я все же наткнулась, когда плутала в поисках той самой лестницы. Кое-где в подтеках и немного облупившиеся стены помпейского цвета, окна закрыты жалюзи. На первом этаже — Интернет-центр. Как раз над ним — мемориальная доска, извещающая, что в этом доме с марта 1909 по февраль 1911 года жил Максим Горький и что здесь бывал у него основатель советского государства Владимир Ленин.

Рассматривая фотографии дома, заметила как раз за углом другую мемориальную доску. Напрягаюсь до предела, пытаюсь разобрать хотя бы самые крупные буквы, пока наконец у меня не выходит: "EMIL VON BERING". Ба! Нобелевский лауреат: в 1901 году он получил премию в области медицины. Что делал здесь? Ищу биографию Беринга. Оказывается, в 1897 году он провел на Капри медовый месяц с Эльзой Спинолла, дочкой берлинского врача. Опять немцы! Именно у Беринга снимал виллу Горький. Сегодняшние хозяева, привлекая клиентов, зовут ее не иначе как Домом Горького.

За один день Капри, конечно, не исходишь вдоль и поперек. Не хватило у меня времени — хотя и была рядом — дойти до отеля "Крупп": там первый горьковский адрес на острове. Его владельцы тоже не упускают случая упомянуть, что на этой вилле когда-то жил пролетарский писатель.

Я только по книгам знаю волшебную силу знаменитого голубого грота с водой неповторимого оттенка. Я не видела удивительный майоликовый пол в церкви святого

Михаила. Не поднималась по подвесной дороге на монте Соларо. Не бродила по развалинам императорских вилл.

Осталась в стороне от моего маршрута и Чертоза — бывший картезианский монастырь святого Иакова, построенный в средние века. Здесь хранится итало-русская библиотека, с инициативой устройства которой выступил Горький. Были замыслы и более обширные. Разрабатывались планы создания Русско-итальянского общества для взаимного знакомства с культурами. А заброшенный монастырь предлагали превратить в итало-русский этнографический музей. Но планы не осуществились. А так, кто знает, и у России было бы на острове весомое культурное присутствие. Сейчас же в Чертозе куда нагляднее представлено немецкое искусство: здесь действует музей художника-символиста Карла Диффенбаха, одно время жившего на Капри. Тоже интересно.

Да, многое посмотреть не удалось. Значит, надо снова ехать на Капри. Просто отдыхать. Тем более что и Горький советовал.